

УДК 165.0

Л.Д. Ламберов, И.П. Тарасов

**В ЗАЩИТУ ДЕФЛЯЦИОННОЙ КОНВЕНЦИИ Т
(«КАНТИАНСКИЕ ТЕМЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ)**

Дан анализ концептуальных оснований дефляционистских теорий истины. Рассматриваются философские предпосылки, которые формируют несубстанциональный взгляд на истину, и проблемы, связанные с концептуализацией этого представления в дефляционной схеме. Предлагаются два варианта преодоления этих трудностей. Делается выбор в пользу второго варианта.

Ключевые слова: истина, дефляционизм, метафизика, субстанция, конвенция Т.

Введение

Иммануил Кант один из первых в истории философской мысли сформулировал цель избавления философии от «метафизики» и «коррекции» философского знания. После Канта эта тенденция в развитии философии стала одной из центральных тем в размышлении философов (хотя и не всегда напрямую связывалась с именем самого Канта), а под лозунгом «борьбы с метафизикой» создавались целые концепции и философские направления. Несмотря на всю «одиозность» и «тенденциозность» подобных философских проектов, концептуально идеи Канта продолжают влиять на современную философию в различных ее проявлениях. Например, хорошо известный кантовский аргумент в пользу десубстанциализации связки «есть», утверждающий, что связка «есть» используется для соединения субъекта и предиката в суждении (т.е. чисто в логико-лингвистических целях) и за ним не скрывается реальное свойство¹, находит свою концептуальную преемственность в современных теориях истины, а именно в дефляционных теориях, которые нечто похожее пытаются сделать с понятием истины. Интересно проанализировать, как развиваются подобные «кантианские взгляды» в теории истины и с какими трудностями они сталкиваются.

I. Дефляционная схема

Название статьи представляет собой аллюзию на известную статью Д. Дэвидсона «В защиту конвенции Т» [2]. Идея конвенции Т, которая при всякой подстановке является частным определением понятия истины для данного подставляемого предложения, выдвинута А. Тарским. А. Тарский полагал, что его семантическая теория истины является уточнением классического определения, данного Аристотелем. Тем не менее в дальнейшем речь

---

¹ «Ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи... В логическом применении оно есть лишь связка в суждении... то, что предикат полагает по отношению к субъекту» [1. С. 361–362].

пойдет о дефляционных теориях истины, поэтому термин «конвенция Т» будет заменен на термин «дефляционная схема»¹.

Одной из наиболее отличительных (и радикальных) черт дефляционных концепций истины является положение, утверждающее, что истина не является свойством. Это положение, в основном, интерпретируется в том смысле, что истина не обладает субстанциональным началом, т.е. не является вещью, предметом или объектом, который мы можем воспринимать с помощью органов чувств, например «запах фиалки» или «белизну снега»². Таким образом, имеется в виду, что истина не является свойством материального мира, – свойством, которое можно обнаружить в вещах с помощью наблюдения или исследования. Такие свойства принято обозначать как «натуральные свойства». Однако отсюда можно заключить, что если истина и не является «натуральным свойством», то она вполне может быть другим, особым – не «натуральным свойством». Такая альтернатива видится некоторым дефляционистам, и они признают истину неким «логическим свойством» [З. Р. 37].

Не преследуя в данной статье цели выяснения правомерности такого взгляда на истину самого по себе, обратимся к фактам, которые выражают и служат основой «первичной интуиции» дефляционизма в том, что истина одновременно является «логическим свойством» и не является «натуральным».

Факт, на который дефляционисты обращают внимание, конструируя доказательство несубстанциональности истины, состоит в указании на специфическое поведение этого термина в предложениях, относительно которых он приписывается. Эта нестандартная роль истинностного предиката, по сравнению с обыкновенными предикатами, обозначающими определенные свойства, выявляется при сравнении двух одинаковых предложений, единственное отличие которых состоит в том, что одно из них содержит истинностный предикат, а другое нет. Например, предложения «Сократ мудр» и «Истинно, что Сократ мудр». Дефляционисты спрашивают: какое свойство добавляет истина к предложению «Сократ мудр»? Обобщая предыдущий вопрос, можно спросить: в чем заключается разница между «*p*» и «Истинно, что *p*»?

Один из самых распространенных ответов среди дефляционистов заключается в том, что истинностный предикат не добавляет ничего к предложению, его содержащему, а соответственно нет никакой разницы между предложениями «*p*» и «Истинно, что *p*», и второе предложение может быть редуцировано к первому. Этот ответ основан на предположении, что понятие истины, например в предложении «Истинно, что Сократ мудр», служит не для описания Сократа (или иных объектов в других возможных предложениях, содержащих истинностный предикат), а для выражения согласия с этим

---

¹ Дефляционизм в своем развитии прошел несколько этапов. Начало первого этапа условно можно обозначить с работ Г. Фреге, который сформулировал несколько фрагментарных положений относительно истины, которые современные исследователи классифицируют как дефляционистские. К первому этапу также относятся работы А. Айера, Ф. Рамсея, П. Стросона, Л. Витгенштейна. Ко второму этапу можно отнести работы У. Куайна, Н. Белнапа, Д. Гровер, Дж. Кампа, С. Лидса и т.д. Начало современного этапа в развитии дефляционизма можно отнести к концу 80-х – началу 90-х годов XX в. Этот этап, прежде всего, связан с исследованиями П. Хорвича, Р. Брэндома и Х. Филда.

² «Вот почему необходимо сделать чувственным всякое абстрактное понятие, т. е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие (как говорится) было бы бессмысленным, т.е. лишенным значения» [1. С. 187].

предложением или для его утверждения. Следовательно, представляется возможным заменить истинностный предикат выражением согласия или утверждением самого предложения «Сократ мудр». Это делает возможным поставить знак равенства¹ между « p » и «Истинно, что p »:

(T_{prop}) Истинно, что $p = p$.

В данном случае подразумевается, что подстановками в эту схему могут служить только пропозиции, понимаемые как неизменные абстрактные объекты, концепты предложений, «объективные» значения предложений². Или, если сформулировать эту схему для предложений:

(T_{sent}) Предложение « p » истинно $= p$.

Так как существует теоретическая возможность ставить знак равенства между «Истинно, что p » и « p », то возникает вопрос, как более детально следует интерпретировать этот знак равенства. Если в негативном плане он указывает на то, что между двумя предложениями нет никаких различий, потому что понятие истины можно заменить утвердительной силой предложения (которая не входит в структуру самого предложения), то как интерпретировать эту схему в позитивном смысле: в чем нет никаких различий? Сходство чего в этих двух предложениях утверждает рассматриваемая схема³? Ответ на этот вопрос может порождать различные затруднения, одно из которых мы собираемся детально рассмотреть в данной статье.

II. Возражение Г.Х. фон Вригта

Интуитивно понятно, что сама природа знака равенства указывает на то, что эти предложения эквивалентны друг другу. Эквивалентность в логическом плане этих предложений может привести к взаимозаменяемости *salva veritate*, т.е. к возможности подставлять одно предложение вместо другого, по меньшей мере, в экстенциональных контекстах. Таким образом, схема «Истинно, что $p = p$ » (как минимум) утверждает логическую эквивалентность этих двух предложений или сходство их истинностных значений. И здесь возникает вопрос, возможно ли во всех контекстах подставлять эти предложения одно вместо другого с сохранением изначального значения истинности этих предложений? Это действительно серьезное затруднение, которое существует не только как некая теоретическая возможность, но и имеет под собой реальные основания, на которые указывает Г.Х. фон Вригт: «"Необходимо ли, что если ложно, что истинно, что p , тогда ложно, что p ?"». Предположим, что высказывание p не имело истинностного значения, то есть было ни истинно и ни ложно. Тогда, очевидно, было бы ложно сказать, что истинно, что

¹ Знак равенства будет пониматься в широком смысле как простое отождествление левой и правой частей схемы.

² Более детально понятие пропозиции будет разъяснено ниже.

³ Другой сложный вопрос, который возникает при интерпретации этой схемы, заключается в попытке точно зафиксировать роль понятия истины в этой схеме. Другими словами, какие выводы относительно природы этого понятия и его функциональной роли в языке мы можем сделать, исходя из интерпретации этой схемы.

p . И не следует, что ложно, что p , поскольку это высказывание ни истинно и ни ложно. Или положим, что условие для "не следует" несколько другое. Тогда было бы истинным, что ложно, что истинно, что p ; но не было бы истинно, что ложно, что p ... Поэтому обе схемы "истинно, что" и " p " не могут быть эквивалентны в смысле взаимозаменяемости *salva veritate* каждой» [4. С. 554; 5. Р. 84].

В каких случаях существует возможность, того, что «Истинно, что p » и « p » будут иметь разные истинностные значения? Например, в то время как «Истинно, что p » будет ложно, само « p » не будет обладать данным значением истины, т.е. оно не будет ложным (оно также не сможет быть и истинным, по вполне понятным причинам). Какие предложения допускают неопределенность в их истинностном значении, допуская при этом ложность их утверждения как истинных? Класс предложений, который допускает подобную интерпретацию, – это предложения, утверждающие нечто о будущих событиях. Как правильно заметил Я. Лукасевич, «все высказывания о будущих событиях... в настоящее время еще не predeterminedены» [6], т.е. они не могут называться ни истинными, ни ложными. Заимствуя классический аристотелевский пример с завтрашним морским сражением [7. С. 99–102], можно убедиться, что утверждать предложение «Завтра будет морское сражение» в данный момент не является чем-то ложным, однако утверждать *сейчас* «Истинно, что завтра будет морское сражение» – может оказаться ложью. Данное обстоятельство ставит ограничение на действие дефляционной схемы в пределах предложений, которые повествуют о будущих событиях, и доказывает, что термин «истина» не всегда возможно редуцировать до простого утверждения предложения.

Обобщая случай с предложениями о будущих событиях, можно сделать вывод, что он эксплицировал фундаментальную связь, которая присутствует между истиной, временем и утверждением предложения, которая отсутствует (или же является скрытой) в дефляционной схеме. Утверждать истинность определенного предложения становится возможно только в определенный промежуток времени, который должен каким-либо образом коррелировать с событиями, о которых в предложении идет речь. Без такой темпоральной корреляции, как мы видим, предложение не обладает значением истинности, т.е. ему невозможно даже приписывать истинностный предикат. Таким образом, дефляционная схема представляется в корне ошибочной (и не только для одного определенного класса предложений), потому что понятие истины в этой схеме приписывается предполагаемому предложению в отсутствие какой-либо ссылки на время.

III. Проблема значения предложения

Кроме того, принятие предложений (без ссылки на контекст утверждения этого предложения) в качестве носителей истинности (точнее, в качестве объектов подстановки в рассматриваемую дефляционистскую схему) приводит к проблеме взаимозаменяемости в неэкстенциональных контекстах. В частности, легко показать, что в модальных, контрфактических контекстах и контекстах пропозициональных установок взаимозаменяемость не может быть

осуществлена *salva veritate*. Так, рассмотрим, например, два следующих утверждения:

- (1) Необходимо, что $2+2=4$.
- (2) Необходимо, что предложение « $2+2=4$ » истинно.

Очевидно, что замена «предложение '*p*' истинно» на «*p*» по схеме (T_{sent}) не является корректной в примере с переходом от (1) к (2) и обратно. Утверждения (1) и (2) не эквивалентны по той простой причине, что значение предложения является своего рода контингентным и апостериорным фактом. Означает ли предложение « $2+2=4$ », что $2+2=4$? Вполне может оказаться, что нет – можно употреблять языковые выражения так, что они будут иметь совершенно непривычное для обычных говорящих значение. В качестве примера можно привести следующее описание одного из героев Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Даже в несчастной привычке употреблять иностранные слова, которым Сарафанов придавал свое собственное значение, не имевшее ничего общего с их действительным смыслом, он являлся только с комической стороны, и скоро можно было привыкнуть к его не особенно разнообразному лексикону. 'Наивно' – в переводе значило 'серьезно'; в этом же значении он употреблял слово 'сентиментально'; 'хаос' надлежало переводить – 'глупость' и т.д. Только к двум словам, которые Сарафанов особенно часто употреблял, я никак не мог привыкнуть и часто принужден был отгадывать их смысл по аналогии, – эти слова были 'грация' и 'цивилизация'. Значение этих слов постоянно менялось, и вдобавок они часто становились одно вместо другого. Приблизительно слово 'грация' можно было перевести словом 'ловкость', иногда – 'смелость', реже – 'ум'; 'цивилизация' попеременно обозначало то образование, то *come il faut*. Когда Сарафанов начинал сердиться, эти слова означали даже 'мошенничество'» [8. С. 118–119].

Данная проблема возникает оттого, что, согласно схеме (T_{sent}), предложение « $2+2=4$ » истинно тогда и только тогда, когда *просто* $2+2=4$. В схеме (T_{sent}) совершенно не учитывается значение предложения. Можно вообразить себе язык, в котором предложение « $2+2=4$ » означало бы, например, что идет дождь. Именно из-за того, что такие случаи в отношении предложений являются неустранимыми (так как не учитывается значение непропозиционального носителя истинности), утверждения (1) и (2) не являются эквивалентными. Коротко говоря, необходимо помнить, что истинность предложения, например что снег бел, зависит не только от того, что снег в действительности бел, но и от того, что предложение «Снег бел» *говорит о* белом снеге (а вдруг это все же разговор о качестве кокаина?). В связи с этой проблемой Х. Филд [9. Р. 272–274] предлагает рассматривать высказывания (т.е. фактические произнесения предложений в определенном контексте) в качестве возможных подстановок в дефляционную схему. Тем не менее представляется, что проблема взаимозаменяемости может быть решена менее радикальным, но весьма сходным пересмотром оснований дефляционизма.

IV. Решение методом пропозиций

Для удобства введем следующую дефляционную схему, объясняющую понятие ложности для пропозиций и для предложений:

(F_{prop}) Ложно, что $p = \sim p$.

(F_{sent}) Предложение « p » ложно = $\sim p$.

Обратимся для начала к рассмотрению дефляционной схемы для пропозиций. Следует отметить, что в отношении пропозиций не существует таких контекстов (даже несмотря на то, что p может оказаться ложным), в которых бы левая и правая части определений истинности и ложности не были бы взаимозаменяемы *salva veritate*. Последнее относится даже к неэкстенциональным контекстам – например, утверждение «Петр считает, что истинно, что снег бел» будет иметь такое же истинностное значение как «Петр считает, что снег бел» даже в том случае, когда пропозиция «снег бел» окажется ложной. Как представляется, рассматриваемое возражение по отношению к дефляционной схеме для пропозиций справедливо лишь тогда, когда данная схема интерпретируется как объяснение не того, какое свойство стоит за истинностным предикатом, а того, как он употребляется (строго говоря, эта схема позволяет узнать условия истинности любого утверждения, но не то, является ли оно истинным или ложным) – нас в нашей аргументации совершенно перестает интересовать фактическое истинностное значение p , так как оно никаким образом не может повлиять на взаимозаменяемость *salva veritate*. Последнее справедливо в том случае, если истина в действительности *не является* свойством; противоположная же аргументация предполагает, что истина является свойством. К тому же ни одна дефляционная теория истины не дает нам критерия для отделения истинных утверждений от ложных. Из дефляционной схемы нельзя узнать, истинно p или же ложно. Эта схема лишь показывает нам, какой логический переход может быть осуществлен от одних утверждений к другим. С другой стороны, противники дефляционизма, возможно, будут утверждать, что и аргументы дефляционистов в защиту схемы предполагают, что истина является свойством.

Почему именно понятие пропозиции позволяет решить проблему взаимозаменяемости? Дело в том, что спецификация условий истинности для некоторого данного предложения была бы просто невозможна, так как *не существует никакого априорного* аргумента, который бы показывал, что обозначается тем или иным словом, той иной частью предложения, что означает предложение целиком.

Под пропозициями обычно понимаются абстракции от предложений, вечные сущности, являющиеся содержанием пропозициональных установок, и т.д. Пропозиции – это «объективные» значения предложений, это абстракции. Например, предложение «Эта дверь открыта» может быть истинным в один момент времени и в одном месте пространства и ложным в другой момент времени и/или в другом месте пространства. Тем не менее пропозиция, выражаемая предложением «Эта дверь открыта» (или, можно сказать, выражаемая различными токенами, «произнесениями» данного предложения), никогда не меняет своего истинностного значения. Дело в том, что одно и то

же предложение в различных пространственно-временных контекстах (или различные токены этого предложения) выражает разные пропозиции. Например, говоря «Эта дверь открыта», можно выразить пропозицию, что дверь, имеющая такие-то и такие-то координаты, в такое-то и такое-то время является открытой. Понятие пропозиции напоминает понятие предложения-в-себе Б. Больцано [10]. Так, согласно Б. Больцано, существует множество предложений, которые никогда не были и, возможно, не будут высказаны, это, например, предложения о том, что на некотором вишневом дереве в такое-то время находится сто пятьдесят вишен. Это предложение, независимо от того, знает кто-либо или нет, сколько на том вишневом дереве вишен, имеет определенное истинностное значение, оно либо истинно, либо ложно. И истинностное значение каждого предложения-в-себе *никогда* не меняется, оно вечно.

Рассмотрим следующие рассуждения. Из посылки «Кассий убежден в том, что Дездемона любит Отелло» следует утверждение «Существует то, в чем убежден Кассий». А из указанной посылки и посылки «Отелло не верит, что Дездемона любит Отелло» следует утверждение «Кассий убежден в том, во что не верит Отелло». В этих утверждениях единичные термы «то, в чем убежден Кассий» и «то, во что не верит Отелло» именуют особый вид объектов – пропозиции [3. Р. 86–87]. К допущению существования пропозиций нас склоняет логический синтаксис. В любом случае пропозиции могут быть весьма полезны как безобидная абстракция, которая может быть введена для упрощения терминологии.

Тем не менее у противников дефляционизма еще остается возможность модификации возражений о взаимозаменяемости. Напомним, они могут утверждать, что наше опровержение их аргументов само предполагает, что истина является свойством. Следует сразу же отметить, что дефляционизм в отношении пропозиций может представлять собой взгляд, согласно которому истина вполне может быть свойством. Понимание истины как свойства, однако, совершенно не предполагает наличия у истины какой-то метафизической природы. Дело в том, что, как уже говорилось в начале статьи, истина может рассматриваться как «логическое» свойство. Такая интерпретация понятия истины вполне является дефляционной (т.е. не предполагающей какую-либо метафизику истины), но в то же время позволяет обойти как возражения Г.Х. фон Вригта и более общие возражения о взаимозаменяемости, так и их модификации. Что касается утверждений о будущих событиях, то они также не являются проблематичными для дефляционизма. Нас совершенно не должно интересовать, пойдём мы завтра на пляж или нет – дефляционная схема даёт нам определение условий истинности утверждения «Завтра мы пойдём на пляж», каким бы истинностным значением оно ни обладало. Дефляционная схема не рушится, если завтра мы на пляж не пойдём, так как мы не предполагаем, что истина является свойством в обычном смысле этого слова, и, более того, свойство «быть истинным» и наши полагания о чём-то как об истинном или ложном не являются одним и тем же. Ещё раз, проблема, о которой говорит Г.Х. фон Вригт и другие критики, возникает для дефляционной схемы только в том случае, когда истина понимается как полноценное свойство. Более того, возражение Г.Х. фон Вригта не работает также и потому, что если в качестве подстановок в дефляционную схему выбирают-

ся пропозиции, то никаких проблемных подстановок быть не может, так как пропозиций с неопределенным истинностным значением просто нет.

V. Спасение предложений методом контекстуальности

Обратимся теперь к дефляционной схеме о предложениях. Как было указано, проблема взаимозаменяемости для этой схемы возникает из-за того, что в схеме не учитывается значение непропозиционального носителя истинности (т.е. предложения, требующего своей интерпретации в противоположность пропозиции, которая уже является интерпретированным «предложением»). В связи с этим получается некая двусмысленность:

(i) с одной стороны, если не учитывается значение, то для того, чтобы подстановка в схему эквивалентности была верной, вся схема должна находиться в области действия модального оператора необходимости, но

(ii) никто не может гарантировать, что истинность предложения «Снег бел» зависит *только* от бытия снега белым, поэтому получившаяся схема (T_{sent}) должна находиться не в области действия оператора необходимости, а в области действия оператора возможности – ведь это лишь возможно, что предложение «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел.

Можно, однако, ослабить нашу дефляционную схему. Согласно такой ослабленной интерпретации, дефляционная схема дает определение того, как логически ведет себя истинностный предикат, т.е. того, какие выводы (логические переходы) можно делать в тех или иных случаях. Предполагается, что везде, где встречается « p », можно поставить «предложение ' p ' истинно». А там, где встречается «предложение ' p ' истинно», поставить « p ». Тем не менее здесь следует говорить о *готовности* говорящего взаимозаменять « p » и «предложение ' p ' истинно». Это решение будет полным только в том случае, когда оно будет сопровождаться неким внешним по отношению к теории истины объяснением того, когда (при каких условиях) говорящий *готов* производить указанную замену. Возможность такого объяснения демонстрирует, что есть возможность принятия более строгой номиналистской (или физикалистской) доктрины, обходящейся без понятия пропозиции. В качестве такого дополнения могло бы служить, например, какое-либо прагматическое или прагматико-эпистемическое объяснение.

Рассмотрим две возможные ситуации: «Джон говорит, что предложение 'Кошка на рогожке' истинно» и «Истинно то, что говорит Джон». Первый случай не создает каких-либо проблем, так как всегда, когда Джон готов говорить, что предложение «Кошка на рогожке» истинно, он готов говорить и то, что кошка на рогожке (и наоборот), так как в момент употребления языковых выражений он знает их значение. Второй же случай, как кажется, часто рассматривается неверно. Действительно, мы не можем устранить понятие истины из этого выражения, получив лишь «то, что говорит Джон», так как тогда бы истинностное значение изменилось – оно бы «исчезло», так как имена не являются истинными или ложными. Однако здесь следует напомнить, что дефляционная схема для предложений (T_{sent}) имеет вид

(T_{sent}) Предложение « p » истинно = p ¹,

а не

(3) Предложение « p » истинно = « p ».

Следует отметить, что в правой части схемы (T_{sent}) стоит не имя, а предложение, поэтому подстановка туда выражения «то, что говорит Джон» неверна (она соответствует второй схеме). Для того чтобы осуществить замену эквивалентов согласно схеме (T_{sent}), необходима дополнительная посылка, сообщающая, что обозначает имя «то, что говорит Джон». Например, если утверждение «Истинно то, что говорит Джон» сопровождается посылкой о том, что Джон говорит, например, что Луна является естественным спутником Земли, то, согласно схеме (T_{sent}), мы можем получить утверждение «Луна является естественным спутником Земли», так как работаем, по сути, с утверждением (при условии наличия необходимых посылок) «Истинно то, что говорит Джон = Луна является естественным спутником Земли».

Поэтому даже такие случаи не являются проблематичными для дефляционной схемы, так как ее верное истолкование подразумевает не избыточность и принципиальную устранимость понятия истины, но *возможность перехода* от утверждений, *приписывающих* истинность неким носителям истинности, к утверждению самих этих носителей истинности и наоборот.

Интерпретация дефляционной схемы как инструмента, анализирующего, какие логические переходы можно делать в случае приписывания истинностного предиката носителям истины без объяснения того, при каких условиях возможно приписывание самого истинностного предиката, не до конца разрешает все проблемы. Если спецификация этих условий не произойдет, то мы не сможем адекватно производить процедуру приписывания истинностного предиката, а соответственно и предполагаемые логические переходы, которые могут быть сделаны после, не всегда будут корректными. Выход может быть найден, как уже выше отмечалось, в спецификации этих условий, с помощью введения дополнительных объяснений на метатеоретическом уровне. Одно из таких объяснений должно вытекать из анализа прагматики употребления языковых выражений, т.к. приписывание истинностного предиката является случаем, который подпадает под этот вид анализа. Любая прагматика употребления языковых выражений предполагает динамическую концепцию значения, потому что соотносит значение языкового выражения не с абстрактным объективно заданным содержанием этого выражения, а с определенными целями и диспозициями, которые реализует субъект в процессе коммуникации (хороший пример: проблемы в соотношении схем 1 и 2 или случай с Сарафановым). Следовательно, любые теоретические положения относительно приписывания истинностного предиката должны исходить из трудноуловимой практики согласия субъекта интерпретировать нечто как носитель истины. В этом плане определенные диспозиции субъекта и уровень его лингвистической компетенции служат основанием для адекватного приписывания истинностного предиката и перехода к утверждению носителя истины. В сущности, данное решение идет в

¹ Либо: истинно, что $p = p$. Дело это не меняет.

после дефляционного проекта – это то, что Р. Брэндом называет *феноменологической установкой*, которая исследует не само понятие истины, а акты принятия нечто за истинное (*acts of taking-true*)¹.

Предполагаемый негативный момент, который наступает с привнесением прагматики в анализ дефляционной схемы и грозит иррационализмом в философии языка и, как следствие, в приписывании истинностного предиката, может быть снят и ослаблен. Возможность чрезмерного релятивизма, которая присутствует в принятии диспозиций субъекта в качестве главного фактора, определяющего значения языковых выражений, исчезает в том случае, когда мы накладываем внутреннее ограничение на вербальную практику индивида, заключающееся в том, что одна из основных целей индивида в процессе коммуникации – *быть понятым*. Этот внутренний императив накладывает рамки в выборе средств для выражения языковых значений и заставляет искать общие средства для всех субъектов коммуникации – этот процесс кратко может быть описан как процесс стандартизации. Источником стандартизации языковых выражений является определенная сформировавшаяся на данный момент традиция. В отношении приписывания истинностного предиката эту традицию составляет корпус истинных предложений, который служит парадигмой для дальнейшего использования данного термина. Выделение этого корпуса из массы всех остальных предложений происходит за счет привнесения дополнительных элементов в структуру предложения, наличие которых позволяет сформулировать общие принципы использования (приписывания) истинностного предиката². Эти дополнительные элементы в структуре истинного предложения, служащие целям его индивидуации, устанавливают историю употребления данного предложения, которая и является отличительным признаком истинного предложения, выделяющим его среди остального массива схожих предложений, не обладающих истинностным значением. Одним из средств для установления истории употребления предложения является процедура индексации истинных предложений по времени. Эта процедура фиксирует истинные предложения, а в более широком, теоретическом плане формулирует дополнительные условия для приписывания истинного предиката на основании того, что без такой процедуры предложение не может быть названо истинным, т.е. оно не станет выделенным и индивидуализированным и не пополнит уже имеющийся корпус истинных предложений.

В отличие от прагматических ограничений, накладываемых на дефляционную схему, связанных с индивидуальной практикой словоупотребления, процедура индексации может быть теоретически выражена и войти в состав дефляционной схемы. Это возможно, потому что, как уже отмечалось, процедура индексации входит в структуру предложения в качестве дополнительного ее элемента.

---

¹ Не стоит смешивать это понятие с понятием, которое использует феноменологическая традиция, берущая свое начало от Э. Гуссерля. Р. Брэндом связывает это понятие с берклианским принципом *esse est percipi* [5. P. 77].

² В начале статьи и в ряде других работ [11. С. 17] мы останавливались на несколько иной стратегии доказательства зависимости истины от времени, которая основывалась на семантических и эпистемологических аргументах. Сейчас же представляется более уместной прагматико-эпистемическая линия доказательства данного тезиса.

VI. Отказ от удвоения сущностей

В связи с этим возникает ряд закономерных вопросов о статусе пропозиций и предложений, а также взаимосвязи между ними. В конечном счете эти вопросы приводят к вопросу о соотношении двух дефляционных схем – схемы для пропозиций и схемы для предложений. Так как дефляционный подход представляется нам частью более широкой номиналистской (или натуралистской) программы, перед нами теперь стоит задача отказа от таких абстрактных сущностей, как пропозиции, в пользу предложений и отказа, таким образом, от удвоения сущностей.

В качестве одной из основных причин введения понятия пропозиции служит неудобство дополнительных уточнений, которые требуются для установления истинностного значения некоторых предложений. Так, например, два произнесения предложения «Эта дверь открыта» могут считаться выражающими две разные пропозиции, если ведется разговор о разных объектах и/или в разном контексте произнесения. С другой стороны, эти два произнесения могут выражать и одну пропозицию. Последнее справедливо в том случае, когда разговор ведется об одном и том же объекте в одном и том же контексте. Вторая причина использования понятия пропозиции заключается в том, что косвенные предложения (например, начинающиеся с «что») функционируют как имена неких сущностей (вспомним пример с Кассием, Дездемоной и Отелло).

В свое время У.В.О. Куайн предложил по меньшей мере два важных аргумента против пропозиций. Первый аргумент [12] заключается в следующем:

- (a) Нет сущностей без тождества.
- (b) Нельзя установить тождество пропозиций.
- (c) Следовательно, пропозиций не существует.

Второй аргумент [13] может быть представлен в следующем виде:

(a) Если возможен язык (или парафраз в данном языке), который обходится без постулирования определенных абстрактных сущностей и сохраняет все релевантные области дискурса, то этих абстрактных сущностей не существует.

- (b) Возможен язык без постулирования пропозиций.
- (c) Следовательно, пропозиций не существует.

Как же без понятия пропозиции можно спасти дефляционную схему? Ответ довольно прост. Он состоит в том самом указании на прагматический аспект, о котором говорилось ранее. Возражения Г.Х. фон Вригта и более широкие возражения о контингентности значений предложений оказываются недействительными против дефляционной схемы в том случае, если она дополняется приведенным прагматическим объяснением готовности как принимать подстановки в эту схему, так и осуществлять взаимозаменяемость выражений «предложение 'p' истинно» и «p» в определенном контексте. В данном случае это прагматическое объяснение существенно опирается на способность говорящего к пониманию предложений и его прагматическому

стремлению к тому, чтобы быть понятным. Безусловно, такое прагматическое объяснение не может обойтись без учета контекстуальности. В частности, именно в зависимости от контекста, от способности к пониманию и от желания быть понятным некоторый данный говорящий будет готов или не готов принимать подстановки в дефляционную схему и взаимозаменяемость некоторых данных предложений. Именно такое прагматическое объяснение дает ресурсы для индивидуации предложений и отделения предложений, которые могут быть истинными или ложными, от предложений, не обладающих истинностным значением. В конце концов идея контекстуальности может быть воплощена в самих предложениях¹ (или их парафразах, когда это необходимо).

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
2. Davidson D. In Defence of Convention T // Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford, 1984.
3. Horwich P. Truth. N.Y., 1998.
4. Вригт Г. Детерминизм и высказывания о будущих событиях // Вригт Г. Логико-философские исследования. М., 1986.
5. Brandom R. Pragmatism, Phenomenalism, and Truth Talk // Midwest Studies The Philosophy. Vol. 12. 1987.
6. Лукасевич Я. О детерминизме // Философия и логика Львовско-варшавской школы. М., 1999.
7. Аристотель. Об истолковании // Собрание сочинений: В 4 т. М., 1978.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. «Все мы хлеб едим...» // Мамин-Сибиряк Д.Н. Очерки и рассказы. Свердловск, 1980.
9. Field H. Deflationist Views of Meaning and Content // Mind. 1994. Vol. 103, № 411.
10. Больцано Б. Учение о науке. СПб., 2003.
11. Тарасов И.П. Возможно ли определить понятие истины? // Analytica. 2009. №3. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.philosophy.ru/analytica/pdf/2009/03.pdf>.
12. Quine W.V.O. Ontological Remarks on Propositional Calculus // Mind. 1934. Vol. 43, Issue 172.
13. Quine W.V.O. Word and Object. Cambridge: Mass., 1960.

---

¹ Так предлагал поступить, например, У.В.О. Куайн, когда обсуждал замену понятия пропозиций понятием вечных предложений. См.: *Ibid.*, chap. 6.